

"Лесная девочка"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

А. ШИШОВ
**ЛЕСНАЯ
ДЕВОЧКА**

Л

А. ШИШОВ

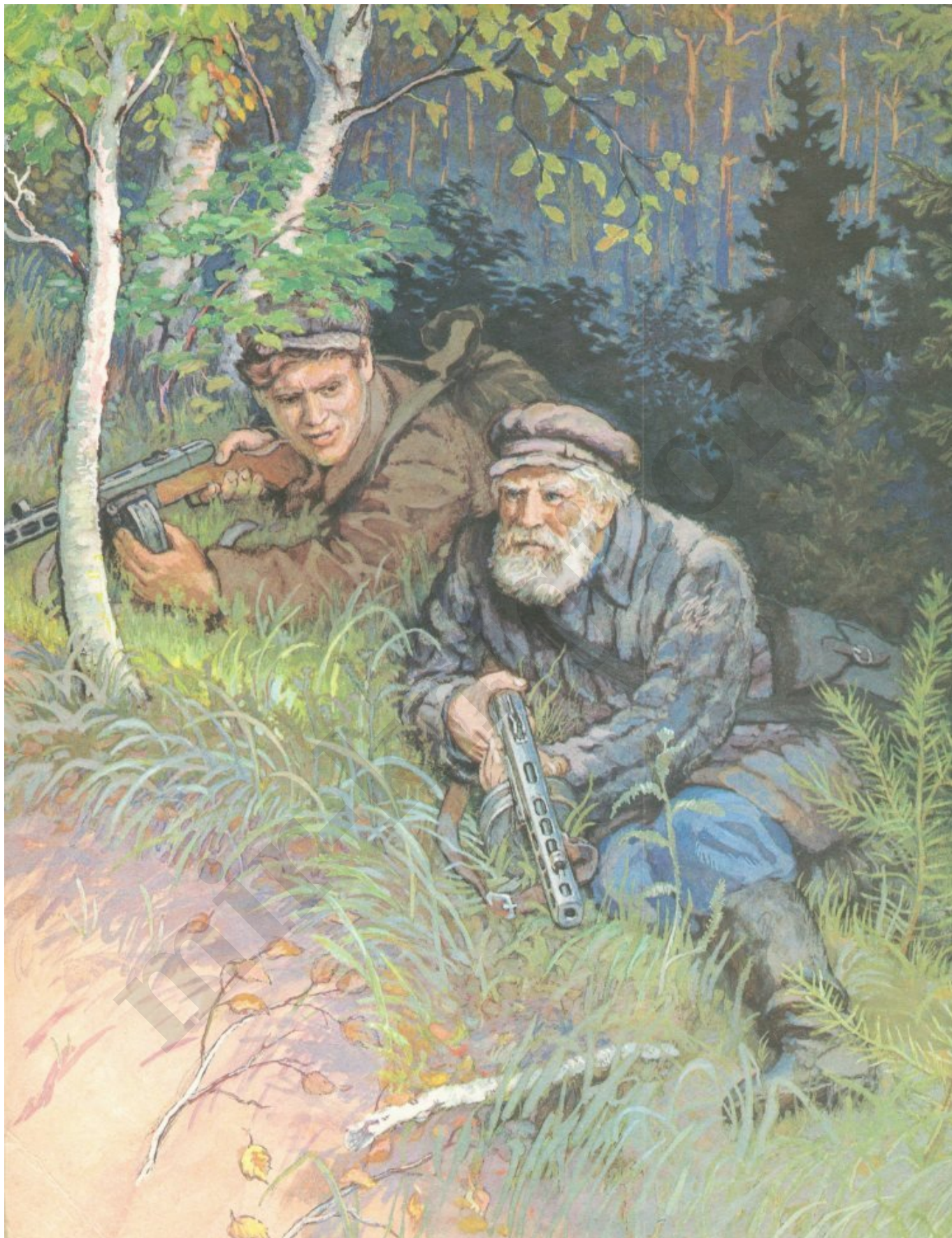
ЛЕСНАЯ ДЕВОЧКА

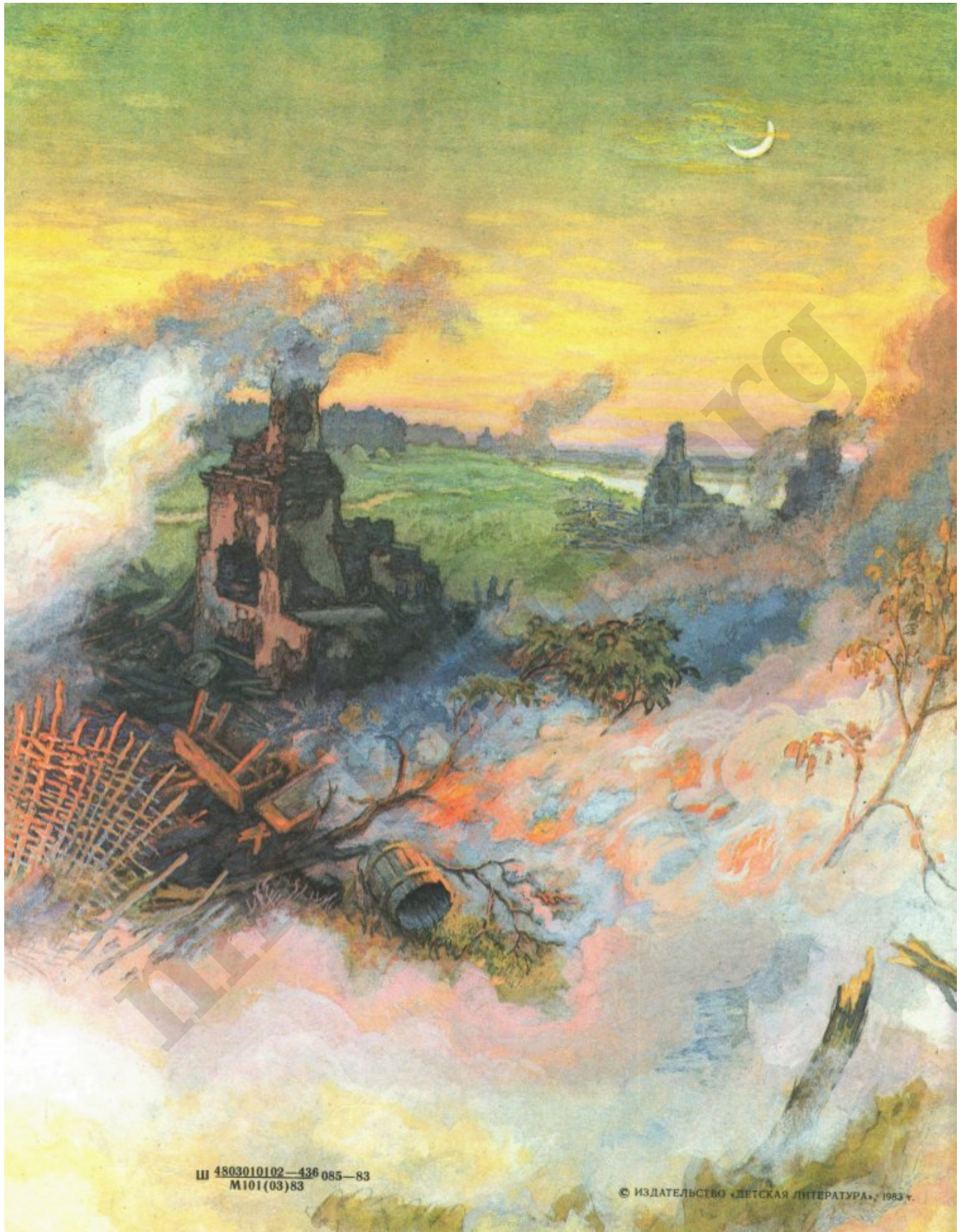
РАССКАЗ - БЫЛЬ

РИСУНКИ В.ГОРЯЧЕВА

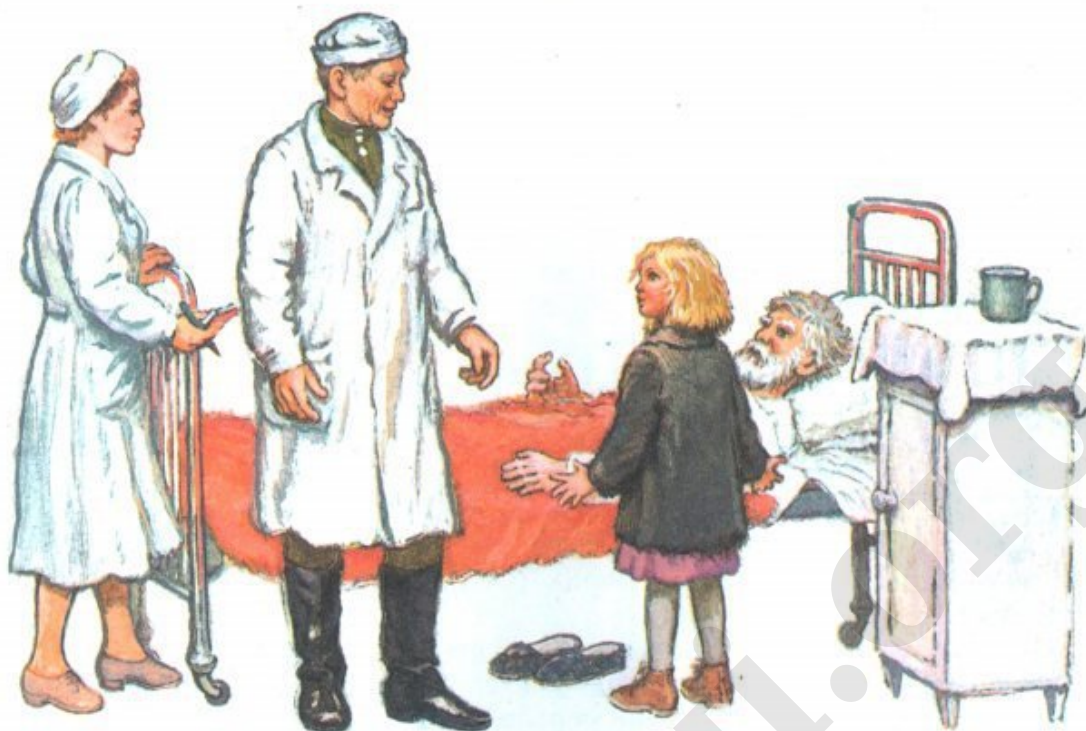
МОСКВА
• ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1983

Ш 4503010102—436 085—83
М101(03)83

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

Прошло много лет после войны, а я всё ещё не забыл лесную девочку Таню.

Встреча состоялась в военном госпитале. В нашей палате было пять коек для раненых. Бойцы выздоравливали и возвращались на фронт. А в госпиталь прибывали новые раненые.

Однажды поздним вечером в палату к нам привезли раненого старика-партизана. Старик был на редкость крепкий, с окладистой бородой. Вместе с ним появилась шестилетняя девочка, беленькая, тоненькая, как былинка, с большими пугливыми глазами. Её хотели устроить в другой комнате, но девочка повторяла всё время:

— Я с дедушкой... Не хочу туда, там темно... Я с дедушкой хочу...

— Оставьте дитё тут, возле меня. А то забоится, плакать будет, людей поднимет. Время сонное...— говорил дед.

Врач и санитары ушли, а старик с внучкой скоро притихли и уснули.

Утром мы познакомились. Звали деда Егором Филипповичем, а его внучку—Таней. Называл он и фамилию: не то

Плетешков, не то Ремешков. Забылось уже. Родом из-под Смоленска. Пахло от него лесной хвоей, дымным костром, смолой и крепким табаком.

Самолётом через фронт партизана доставили в госпиталь вовремя. После операции он воспрянул духом. Лаская внучку, дед говорил, как бы оправдываясь перед нами:

— Будь у неё отец и мать, она не была бы так ко мне привязана, а то спасу нет: куда я, туда и она. Хотел в чужой деревне у родных оставить, так поди потолкуй с ней. Просится на прежнее житьё, в свой дом. А где его взять? Село наше фашисты до последнего кола спалили. А Танину мать в плен угнали.

Няни одели девочку во всё белое. Одежда, хоть и подшитая, была ей длинна, не по росту. От этого она показалась нам ещё более тощей и очень бледной, без единой кровинки в лице.

Утром, спустив босые ноги с кушетки, придвинутой к койке деда, Таня старалась заплести светлые короткие волосы в косу. Делала она это очень серьёзно, но пряди ещё не отросли, и волосы выскользывали у неё из рук.

— Дедушка, а когда мы отсюда уедем? — спрашивала она.

— Да коли у меня рана заживёт. Аль тебе здешние порядки не любы?

— Не...

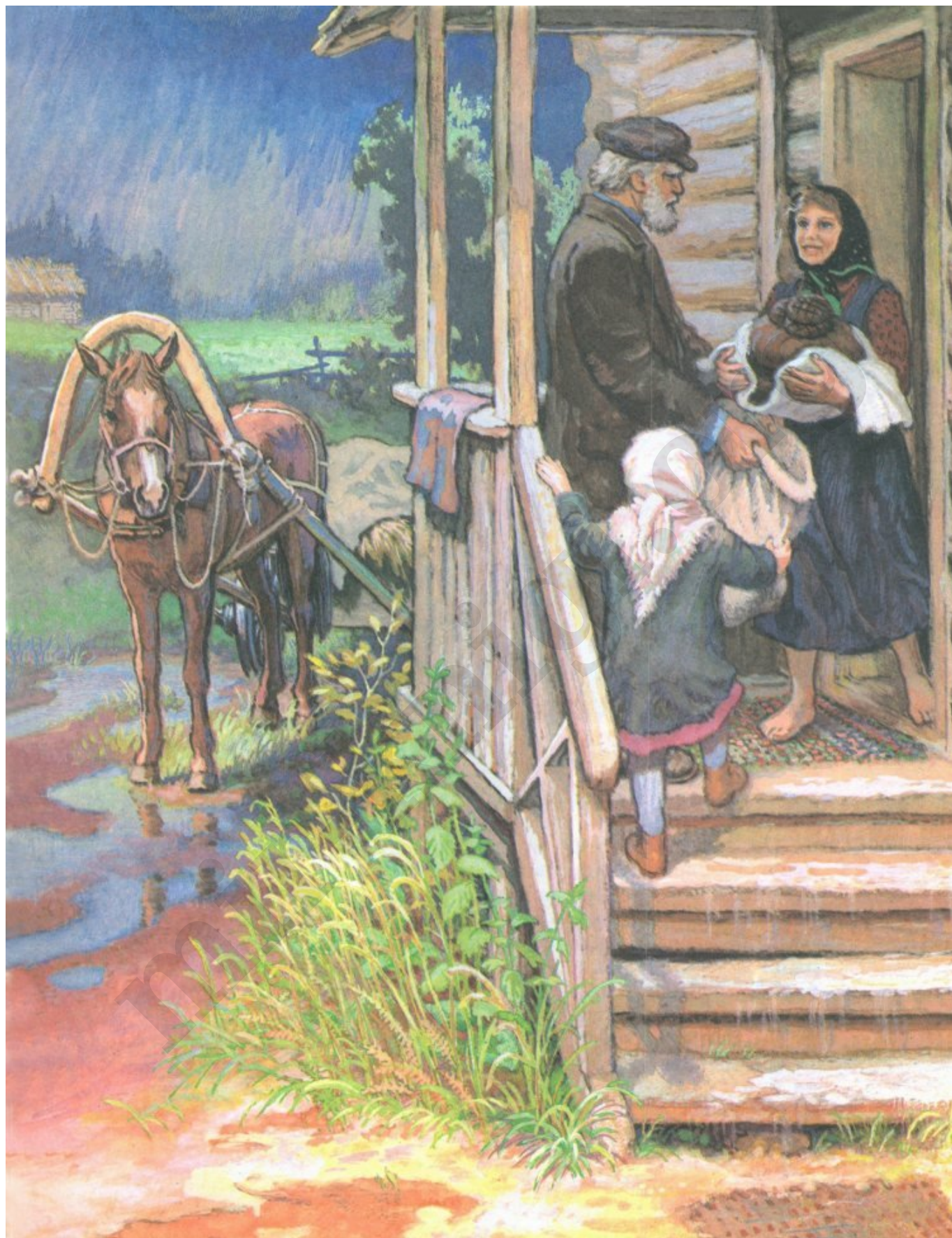
— Что не?

— Не любы. Заживай скорее, а то мне тебя жаль. Опять будем на лошади по сёлам ездить, хлеб собирать для партизан. Она гладила могучие шершавые руки дедушки и тихонько, одним пальцем, дотрагивалась до его забинтованной груди.

Видеть это для нас, взрослых людей, было тяжело. У раненых где-то далеко были такие же милые, родные дети. Быть может, сейчас им так же тяжело, как этой девочке. Украдкой мы вытирали слёзы. Особенно переживал, глядя на девочку, гвардии рядовой Лютов.

— Трое у меня таких-то, трое! — говорил он мне над самым ухом. — Такие же белёсенькие, русенькие... Старшему, Федюше, восьмой...

Сержант Пушков, с обмороженными пальцами на обеих руках, угрюмый, нелюдимый, по утрам обычно садился на койку, поджав по-турецки ноги, брал какую-нибудь книгу и

читал, читал... Но сегодня он ходил по палате очень взволнованный и украдкой посматривал на старика и его внучку.

На своей койке проснулся Знобишин. Он был ранен в голову. Знобишин увидел девочку.

— Да ведь это же моя Машенька! Ну да, такие же глаза, волосёнки. Машенька, иди ко мне. Дочка, дорогая моя!

Таня исподлобья посмотрела на Знобишина большими серыми глазами и ещё крепче прижалась к своему деду. Знобишин неловко завозился на койке, достал из-под подушки конверт с письмом.

— Вот она, твоя ручонка с оттопыренным большим пальчиком. Так ли? Поди сюда, поди!.. Прикладывала свою ручку на бумагу? Обводила карандашом? Признавайся. Твоя ручка?

Не раз до этого Знобишин, восторгаясь, показывал нам это письмо от своей семьи с Вологды.

Таня тихо ответила:

— Я так умею...

— Да ты поди ко мне поближе, поди.

Танечке хотелось подойти, но девочка стеснялась: дядя-то незнакомый, да и вовсе она не Машенька. Только положить руку на бумагу и обвести пальчики карандашом она тоже умеет...

При обходе врач вновь настаивал перевести девочку из мужской палаты. Но мы в один голос заступились за неё. Особенно просил гвардии рядовой Лютов, а с ним, как с тяжелобольным, считались.

— У нас, в партизанском отряде, она привыкла и здесь обживётся,— уверял Егор Филиппович,— пусть с дедом останется.

* * *

С тех пор как Таня появилась у нас, в палате будто прибавилось света и воздуха. К нам приходили из соседних палат посмотреть на внучку старика-партизана, чем-нибудь побаловать её.

Первым подружился с ней Кручинкин. Это и понятно: в руках у него гитара. Он предложил Тане потрогать струны. Таня долго не решалась, краснела, прятала лицо, украдкой глядела на деда.

— Ну что же, потрогай. Такой музыки у нас не было. В отряде у партизан гармонь да пастуший рог,— говорил Егор Филиппович.

Таня тронула струны один раз, другой. Оглянулась на деда, а тот кивнул ей: дескать, играй пуще!.. Кручинкин тем временем хотел девочку погладить по голове, но она выскользнула из-под его руки и убежала в свой угол.

Тогда Егор Филиппович пожурил:

— Отчего ты трусишь, как зверёныш дикий? Нехорошо. В роду у нас все смелые и отважные, трусов нет. Может статься, и твой отец где-нибудь залечивает раны. Кто знает, где он? Народ здесь свой, не дичись. Как там в лесу жила, так и здесь живи. Будь смелой...

Каждый из нас приберегал для Тани что-нибудь сладкое, оставленное от обеда или ужина. Но какие могут быть лакомства в госпитальной столовой?

Совсем другое дело домашник¹. Лейтенант Сеня Кручинкин получил от жены в деревянном ящике небольшую посылку. Домашников там вдоволь: замешенных на сметане, испечённых в жаркой печи, подрумяненных, украшенных сверху ягодами сушёной чёрной смородины. Пока Таня спала, у её изголовья выросла целая стопка настоящих лакомств.

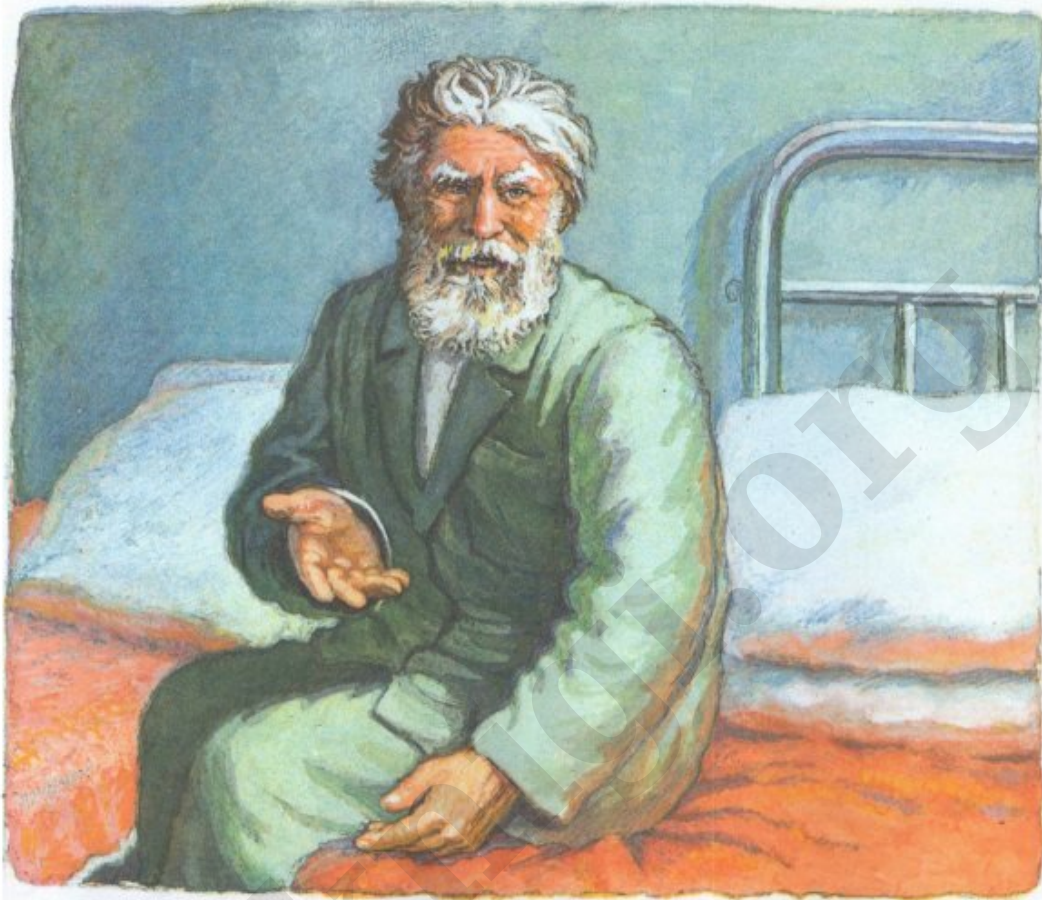
Убирая постели, мы переглядывались: как будет принят нашей любимицей этот сюрприз?

Нет, Танечка не сразу бросилась к гостинцам.

— Дедушка!

¹Домашник — сдобная булочка.

— Ну чего тебе?

Внучка обняла деда за шею и что-то зашептала ему на ухо. Мы только услышали: «Откуда сдобники?» Дед Егор Филиппович, очень растроганный, не нашёлся что сказать. К тому же хотели сделать сюрприз для девочки и просили деда молчать.

— Птичка-синичка о тебе вспомнила,—прищурив хитрый глаз, пошутил сержант Пушков.—Влетела к нам через форточку и спросила, где тут спит лесная девочка...

Но не тут-то было: поверить в это мог какой-нибудь малыш, а Таня считала себя большой.

— Ты ешь колобок, ешь, он вот откуда, тут всё написано,—сказал Сеня Кручинкин и кивнул на деревянный ящик, в котором прислали посылку.

— Я не умею читать,— сказала Таня.

— Ах вот оно что! Тогда я быстро научу тебя и читать, и писать.

И немедленно он принялся учить Таню азбуке. Гитара не помогла Кручинкину заручиться доверием девочки, зато помогли карандаш и тетрадь. Танечка полакомилась сдобником и весь день училась писать буквы.

Дед Егор Филиппович, сидя на своей койке, говорил:

— Если б не война, бегала бы в школу в своём селе. Школа-то у нас в колхозе была новая, из кирпича, там тебе и завтрак детям, а для тех, кто из дальних деревень,— ночлег. Нет теперь школы... Сожгли её враги...

Вспомнил Егор Филиппович и о земляках-партизанах:

— Наверно, без хлеба сидят. Кто им добудет хлеба? Каждый день, бывало, на подводе ездил. Знал, у кого можно хлеб попросить для партизан: только у людей надёжных. Они хранили тайну.

В это время за общим столом кипела работа.

Все оказались мастерами и художниками: кто для девочки вырезал из бумаги курочек, кто рисовал дом с трубой или телегу. Достали тряпок, иголку и нитки, чтобы сшить матрёшку. Взялся за это дело гвардии рядовой Лютов.

— Лучше меня никто не сделает. Бывало, не раз таких матрёшек мастерил. Сделаю, только, чур, не торопить...

С того часа и началась у них кройка и примерка. Лютов хоть немного повеселел, и мы радовались за него.

Курочки, петухи и собачки, вырезанные из бумаги, сложены в коробку из-под папирос. Девочка внимательно следит за дядей Лютовым. Он делает для неё матрёшку из лоскутков. Глаза её беспокойно и ревниво перебегают с одного лоскутка на другой.

— Дяденька, это куда пришьём? — спрашивала она.

— На рукава.

Таня минутку колеблется, потом говорит:

— На рукава лучше другой. — Она выбирает самый цветастый лоскутик.

— Пусть будет этот, — уступает ей Лютов.

— Дядя, а это для чего?

— А из этого лоскута мы сделаем платок матрёшке.

Сержант Знобишин принёс лото. Разложил жёлтые цилиндрики по столу и предложил Тане поиграть. Но ей сейчас не до игры: как можно сравнить какую-то игру с делом. Работают они теперь оба: дяденька Лютов сшивает большие куски материи, а Таня замётывает по краям.

Наконец матрёшка готова. Таня ходит с матрёшкой по палате, убаюкивает её. Затем осторожно, как младенца, она укладывает её на середину своей постели, укрывает одеялом и опять убаюкивает:

Ты, собаченька, не лай,
Мою дочку не пугай...

Слушаем мы Таню с замиранием сердца, боимся сделать малейшее движение, чтобы не помешать девочке укладывать матрёшку спать.

С тех пор Таня больше всех полюбила Лютова.

Утром девочка пробирается к его постели и, с разрешения больного, нажимает сигнальную кнопку, вызывает дежурную

няню. Няня вкатывает большое кресло на высоких лёгких колёсах. Таня помогает няне подрулить кресло вплотную к койке больного. Раненого везут на осмотр в кабинет врача. Таня провожает дядю Лютова и в дверях ждёт его возвращения.

Осмелев, девочка стала заходить и в другие палаты. Раненые были рады гостю. Они вырезали из картона домики и всяких забавных зверушек и дарили их Тане.

Егор Филиппович, нахмутив брови, упрекнул её однажды:

— Оставляешь больного деда. Звать-позвать, а тебя уж и нет. Аукай не аукай, видно, далеко ушла. А мне как быть без тебя?

Таня повисла у него на шее:

— Что ты, дедушка, скорее заживай. Я опять пойду с тобой к партизанам. Запряжём в телегу Гнедко, поедем за хлебушком. В свою деревню наведемся.

— Никто нас там, в своей-то деревне, не ждёт.

— Может, там мама...— Но тут же девочка опомнилась: мать угнали в плен. Таня горько заплакала.

Дед Егор обнял её:

— Ну, ну, успокойся! Поплачем мы с тобой в другой раз, а здесь не надо плакать!.. Вот полечимся недельку, врач выпишет из госпиталя, и поедем мы с тобой в лес к партизанам.

* * *

Прошла ещё неделя, за ней другая. Как-то раненых навестили пионеры. Пришли они в красных галстуках, загорелые и весёлые. Принесли конфет, печенья и букеты осенних цветов. Двери палат раскрыли настежь. Ребята читали стихи и пели.

Таня поднимала с постелей всех раненых. Пусть посмотрят, какой чудесный концерт подготовили ребята. Когда дети стали разносить подарки по палатам, она пошла вместе с ними.

— Ты, девочка, лечишься здесь? — спросили они Таню.

— Нет. Я с дедушкой, — ответила Таня.

Пионеры переглянулись.

— Есть ли у тебя игрушки?

Таня показала на матрёшку.

— Пойдём к нам. У нас живые рыбки, зайцы.

Ребята говорили наперебой. Таня не знала, кого слушать. Вожатая подошла к постели Егора Филипповича:

— Наш отряд из детского дома. Мы хотели, чтобы Таня пришла к нам. Ей у нас будет лучше, она сможет учиться.

Старик глубоко и протяжно вздохнул.

Когда пионеры ушли, в палате стало опять тихо. Таня загрустила. Егор Филиппович, приободрившись, сказал:

— Легко мне стало, внучка. Скоро я к своим землякам в лес подамся.

— А я?

— Ты к ребятам отправишься, в детский дом.

Таня нахмурила бровки:

— А говорил: я тебя не брошу, не оставлю, ты моя кровь родная...

— Тогда ты была совсем маленькая, а теперь, глядь-поглядь, выросла: подружек найдёшь, побежишь в школу учиться. А мне письмо обязательно напишешь.

Тяжела была для Егора Филипповича разлука с внучкой. Последнюю ночь он совсем не спал, сутулясь сидел на краю кушетки в ногах у спящей девочки. Матовые ночники горели слабо, освещая его грустное лицо и потускневшие глаза. Что может быть для него дороже внучки...

Утром наша палата медленно пробуждалась. И у нас, суровых бойцов, тоже защемило сердце, когда настало время прощаться.

В новом платье с кружевным воротничком и в красной вязаной шапочке с помпоном, бережно прижав к себе матрёшку, ушла от нас Таня в детский дом.

20 коп.

Для дошкольного возраста

Александр Фёдорович Шишов

ЛЕСНАЯ ДЕВОЧКА

Рассказ-быль

ИБ № 5680

Ответственный редактор Н. М. Мартынова
Художественный редактор В. А. Горячева
Технический редактор Г. Г. Седова
Корректор О. И. Иванова

Сдано в набор 06.01.83. Подписано к печати 02.08.83.
Формат 80×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,0.
Удължр.-отт. 10,0. Уч.-изд. л. 2,08. Тираж 300 000 экз.
Заявл. 1990. Цена 20 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Document Outline

lesnaya10002_page_0001.jpg

lesnaya10002_page_0001_1.jpg

lesnaya10002_page_0002.jpg
lesnaya10002_page_0003.jpg
lesnaya10002_page_0004.jpg
lesnaya10002_page_0005.jpg
lesnaya10002_page_0006.jpg
lesnaya10002_page_0007.jpg
lesnaya10002_page_0008.jpg
lesnaya10002_page_0009.jpg
lesnaya10002_page_0010.jpg
lesnaya10002_page_0011.jpg
lesnaya10002_page_0012.jpg
lesnaya10002_page_0013.jpg
lesnaya10002_page_0014.jpg
lesnaya10002_page_0017.jpg
lesnaya10002_page_0018.jpg
lesnaya10002_page_0019.jpg
lesnaya10002_page_0020.jpg
lesnaya10002_page_0021.jpg

mir-knigi.org